

Глава 11. Храм Синчжи (11) Как котёнок

—
Угольный таз согревал всю комнату, делая её тёплой, как весной, но головокружение не позволяло Линь Цзыкую встать, боясь опозориться.

Если бы он был трезв, он бы, конечно, не ответил Сяо Фу, но его разум был неясен, Линь Цзыкуй осмелился взглянуть на него и сказал: «Вторая госпожа красива, но... я всё ещё должен учиться. Мне нужно сдать весенние экзамены в следующем году. Я не могу провалиться».

«Если ты ослепнешь, то разве ты не провалишься?»

У Линь Цзыкуя была своя логика: «Но мне не нужно много читать, мне просто нужно, чтобы кто-то читал мне. Мой слуга читает одно слово, и я сам могу продолжить следующее предложение».

«Но у твоего слуги охрип голос. Разве ты не жалеешь ребёнка?» Сяо Фу мягко сказал: «Может, я почитаю тебе? У меня есть все «Четыре книги» и «Пять классиков». Что ты хочешь послушать?»

«Четыре книги» и «Пять классиков» Линь Цзыкуй уже знал наизусть.

У него пересохло во рту, в голове был туман, и он сказал: «Что угодно».

Его губы были сухими, он лизнул их, опустил голову и сделал глоток чая. Чай тоже был сладким.

Маркиз Сяо пошёл искать книги. Он не был очень образованным, с детства не любил читать. Единственное, что он мог читать, были военные книги. То, что он вообще умел читать, уже было впечатляюще. Но в этой комнате не было никаких «Четырёх книг» или «Пяти классиков», только несколько запылённых даосских сутр.

Он сел, открыл одну из них и начал читать, его голос был тихим и мягким. Линь Цзыкуй слушал некоторое время, прежде чем наконец разобрать: «Вторая госпожа, разве это не «Дао дэ цзин»*?»

[*Дао дэ цзин (道徳經, Dào Dé Jīng, «Книга пути и достоинства») — основополагающий источник учения даосизма и один из выдающихся памятников китайской мысли, оказавший большое влияние на культуру Китая и всего мира. Автор Лао-Цзы.]

«Да. Тебе не нравится?»

Линь Цзыкуй покачал головой, его глаза были затуманенными, но яркими: «Нравится».

«Тогда я продолжу читать. Тебе тепло?»

Он кивнул: «М-м, тепло».

Но от «Дао дэ цзин» Линь Цзыкуй становился всё более и более сонным. Его голова клонилась вниз, и он чуть не упал в угольный котёл. Сяо Фу протянул руку и во время схватил его за подбородок.

Линь Цзыкуй, должно быть, стал смелее от вина, он даже не отодвинулся, а просто положил подбородок в его ладонь, говоря: «Вторая госпожа, ваши руки... такие большие».

Это было то, что он никогда бы не сказал в трезвом состоянии, боясь задеть чувства юной леди.

Конечно, для Сяо Фу это не было болезненной темой.

Чем больше он смотрел на Линь Цзыкуя, тем больше он ему нравился. Он спросил его: «Разве это плохо?»

Линь Цзыкуй очень медленно покачал головой: «Очень хорошо».

Юаньцин, который стоял рядом, покрылся мурашками. Он схватил Цзинь Цзуня и вышел: «Пошли, мы здесь мешаем».

Цзинь Цзунь сопротивлялся: «Брат Цин, я хочу сыграть в шахматы с учёным».

«Какие шахматы? Если ты прервёшь господина, он тебя побьёт!»

В этот момент, скромный серый экипаж подъехал к храму Синчжи. Экипаж не имел никаких украшений, он был очень простым. Возничим был мужчина средних лет с женственным лицом, одетый в пурпурную одежду. Он поднял занавеску и тихо сказал: «Хозяйка, мы прибыли в храм Синчжи».

Из экипажа показалась изящная белая рука, которая легла на тыльную сторону ладони мужчины, и она спустилась.

Она была вся укутана в чёрный плащ, не из блестящей и дорогой ткани. Капюшон почти полностью скрывал её лицо, но аура, окружавшая её, была необычайной, человек явно высокопоставленный.

Войдя в храм, женственный мужчина повёл её: «Маркиз живёт в восточном гостевом зале храма Синчжи».

Когда женщина подошла к восточному гостевому залу, Юань заметил её. Он хотел было ругаться, но увидел человека рядом с ней.

Он был шокирован: «Главный евнух Цао?»

Может ли быть...

Юаньцин тоже встал: «Императрица-мать?!»

Императрица-мать Сяо слегка приподняла капюшон, открыв заострённый подбородок и красные губы, и прервала их поклоны: «Обоим генералам не нужно соблюдать формальности. Где ваш господин?»

«Господин...» Юаньцин повернул голову к двери и сказал: «Господин внутри. Ваше Величество, подождите немного, я сейчас доложу ему!»

Сказав это, он постучал и вошёл. Маркиз Сяо повернулся к нему, нахмурившись: «Что такое?»

Линь Цзыкуй уже был немного пьян и чувствовал сонливость после прослушивания сутр. Он прикрыл глаза, но не спал. Он оперся локтем на руку, ладонью поддерживая лицо, которое

стало румяным от вина, и в рассеянном свете раскаленного угля его взгляд был сфокусирован на второй госпоже.

Когда Юаньцин вошёл, он, казалось, ничего не слышал, и просто молча и пристально смотрел на Сяо Фу.

Когда Сяо Фу время от времени поглядывал на него, он также продолжал пристально смотреть на него.

Сяо Фу чувствовал себя так, словно за ним наблюдает невинный ягненок.

Поэтому он, естественно, был недоволен, когда Юаньцин вошёл.

«Хозяин, это...» — Юаньцин замялся и сказал, — «Приехала ваша старшая сестра».

«Зачем она приехала?» Сяо Фу был ещё больше недоволен.

У двери уже раздался голос императрицы-матери Сяо. Она, казалось, собиралась ворваться, крича: «Сяо Фу, Сяо Фу! Это я! Я знаю, что ты здесь! Не прячься!»

Услышав голос, Линь Цзыкуй в замешательстве поднял голову: «Вторая госпожа...»

«Это моя старшая сестра, не бойся». Сяо Фу закрыл книгу.

«Ваша... сестра?» Линь Цзыкуй опомнился и поспешно встал: «Может, мне стоит...» Он огляделся, увидел окно и уже собирался пролезть в него, но Сяо Фу схватил его за запястье. Одной рукой Сяо Фу взял камень с подоконника и бросил его, попав прямо в голосовой нерв императрицы-матери Сяо. Другой рукой он обнял Линь Цзыкуя, бросил его на кровать и опустил занавеску: «Ни слова».

Линь Цзыкуй в оцепенении был брошен на кровать. Он лежал прямо, не смея дышать. Разум его был в тумане. Кровать второй госпожи... пахла так приятно.

Он закрыл глаза и укрылся одеялом.

В сонном состоянии он услышал снаружи голос Сяо Фу: «Зачем приехала старшая сестра?»

Но его старшая сестра не издала ни звука.

Линь Цзыкуй не знал, что императрица-мать Сяо хотела заговорить, но не могла. Она указала на своё горло и сердито посмотрела на него: «Ты...»

Недалеко главный евнух Цао запаниковал: «Хозяйка!»

Взгляд Сяо Фу, холодный, как нож, скользнул по нему: «Цао Гуан, встань снаружи».

Сяо Фу вышел первым, затем разблокировал её голосовой нерв. Улыбка на его лице превратилась в усмешку: «Зачем императрица-мать искала меня?»

Императрица-мать Сяо сердито сжала руки и взглянула на его спальню.

Может быть, там было что-то непристойное?

Но ей некогда было беспокоиться об этих вещах, и она тут же сказала: «Брат, возвращайся

сейчас же со мной во дворец!»

Сяо Фу поднял бровь: «Почему?»

«Император...» Императрица-мать Сяо выглядела обеспокоенной и понизила голос: «Его отравили».

«И что мне делать? Если он отравлен ядом, он должен обратиться в Императорскую медицинскую академию. Императрица-мать, вы знаете, я не чувствую никаких запахов, не владею никакими медицинскими навыками и не могу удалить яд», — Сяо Фу был совершенно спокоен.

Императрица-мать Сяо схватила его за руку, но Сяо Фу незаметно выдернул её. Увидев это, она замерла, больше не прикасаясь к нему, и сжала руки: «Сяо Фу, императорский лекарь Чжан сказал, что этого гу, вероятно, может вылечить только твой учитель, Гу Ван. Однако его местонахождение неизвестно, и теперь только ты можешь найти Гу Вана».

«Императрица-мать, вы знаете, что мой учитель всегда был непредсказуемым и жил уединённо. Меня отравили за пределы столицы на семь лет, мне не разрешалось возвращаться без императорского указа. Я не был в Юньнани столько лет. Как я могу знать, где он? Почему вы спрашиваете меня?» Его глаза, которые обычно улыбались, сейчас стали совершенно холодными.

«Сяо Фу...» Императрица-мать Сяо повернулась, увидела, что главного евнуха Цао и братьев Чэнь не было, и снова посмотрела на Сяо Фу. Её колени всё ещё не могли согнуться, и она прикусила губу: «Считай, что я, твоя старшая сестра, умоляю тебя! То, что произошло тогда, император не был прав по отношению к тебе. Теперь, когда у него проблемы, только ты можешь его спасти! Принц ещё молод и не может наследовать трон. Если император уйдёт, пограничные генералы, удельные князья и его братья будут действовать. Что будет с простыми людьми! Твоя старшая сестра умоляет тебя! Или, или ты правда хочешь, чтобы я встала на колени?»

«Даже если ты встанешь на колени сегодня и поклонись мне, я всё равно не найду своего учителя», — Сяо Фу смотрел на неё свысока, его голос был ледяным. «Почему императрица-мать не выследит того, кто подсадил гу? Разве найти того, кто подсадил гу, чтобы он его разгадал, не быстрее, чем найти меня?»

«Но во дворце уже искали три раза, поймали несколько евнухов, и все они покончили с собой, чтобы избежать наказания! Тот, кто подсадил гу, очень хитёр!»

«Знает ли императрица-мать о попытке убийства меня до того, как я вошёл в Цзиньлин? Кто мог отправить сотни убийц и почему они остановили меня, не давая мне войти в столицу?»

«Знаю», — императрица-мать Сяо остановилась. «Ты говоришь...»

Сяо Фу кивнул.

Императрица-мать Сяо: «Тот, кто пытался убить тебя, очень вероятно и есть тот, кто подсадил гу императору!» Она взволнованно спросила: «Брат, кто пытался убить тебя?!»

Глубокие чёрные глаза Сяо Фу посмотрели на неё, и он вдруг улыбнулся: «Не знаю, потому что я убил их всех».

Императрица-мать Сяо с удивлением посмотрела на него и отступила на полшага назад.

Через некоторое время на её лице появилось выражение недоверия.

«Ты с самого начала знал, что он отравлен гу, и также знал, что тот, кто планировал твоё убийство, — это тот, кто подсадил гу императору! Этот человек боялся, что ты вернёшься во дворец, чтобы спасти его, и боялся, что ты узнаешь о событиях, происходящих во дворце и мобилизуешь войска из дворца Юньнань...»

Но Сяо Фу убил всех убийц, чтобы их нельзя было отследить.

Он намеревался оставить императора умирать!

Перед её скрытым обвинением Сяо Фу не сказал ни «да», ни «нет», его тон был спокойным: «Императрица-мать, пожалуйста, возвращайтесь во дворец. Вам не следовало приходить в этот храм Синчжи. Человек, живущий в этом храме, вероятно, больше никогда в жизни не захочет вас видеть».

Императрица-мать Сяо замолчала.

Сяо Фу сказал низким голосом: «Я дам тебе подсказку, старшая сестра. Тот, кто мог вызвать так много убийц в Цзиньлине, тесно связан с силами в столице».

В голове императрицы-матери Сяо появилось несколько кандидатов. Принц был молод. Если император умрёт, один из нескольких оставшихся братьев могут стать новым императором.

Она приготовилась к худшему и мрачно сказала: «Я не знаю, сколько ещё император сможет продержаться с этим гу. Если... этот день наступит, я, твоя старшая сестра, умоляю тебя, принц ещё маленький, он твой внучатый племянник, он невиновен».

«Императрица-мать, пожалуйста, возвращайтесь».

Императрица-мать Сяо обернулась и бросила на него последний взгляд. Всё его лицо было окутано холодной тенью. Сяо Фу был её младшим братом, хотя и не родным, но она наблюдала, как он рос. Он был диким, но, как и герцог Чанго, он был порядочным, невинным, добросердечным и великодушным

Если бы она не была отправлена в холодный дворец, и её сын не был бы тайно приговорён к смерти, императрица-мать Сяо не умоляла бы своего отца, и он не использовал бы силы княжества Юньнань. Как бы Сяо Фу оказался втянут в эту борьбу фракций?

Императрица-мать Сяо знала, что она не может винить Сяо Фу в его безжалостности. В течение семи лет император всегда опасался его и неоднократно пытался его убить. Если бы не удача Сяо Фу, защита экспертов и лечение докторов, он, вероятно, давно бы уже умер на севере.

Она слышала, что близкий друг Сяо Фу умер при загадочных обстоятельствах.

Главный евнух Цао поддерживал императрицу-мать Сяо: «Хозяйка, мы возвращаемся во дворец?»

За короткое время фигура императрицы-матери Сяо, казалось, сильно уменьшилась. Она тихо сказала: «Главный евнух Цао, помоги мне поклониться Гуаньинь, а потом мы вернёмся во

дворец».

После её ухода Сяо Фу протянул руку, чтобы поймать капли дождя, стекающие с крыши. Дождь уже прекратился. Остатки воды скатились в его ладонь, и когда он опустил руку, капли скатились с ладони.

Сяо Фу повернулся, вошёл в комнату. Уголь согревал спальню. Он поднял занавеску кровати и увидел Линь Цзыкуя, свернувшегося калачиком в его одеяле, с обеими руками, сжимающими угол одеяла над головой. Его лица не было видно.

Сяо Фу на мгновение замер, затем медленно разжал его пальцы и поднял одеяло.

Глаза Линь Цзыкуя были плотно закрыты, его длинные ресницы послушно опустились, и он вообще не двигался.

Он протянул руку, чтобы позвать Линь Цзыкуя, и его пальцы коснулись его румяной, слегка горячей от опьянения щеки. Линь Цзыкуй по-прежнему не отвечал, его дыхание было ровным и глубоким, а губы - розовыми. Сяо Фу понял, что Линь-лан уже спал.

—

[Слово 郎 (láng), используется как вежливое обращение к молодому мужчине. Переводится как: «молодой человек», «мужчина», «господин», а также в качестве ласкового обращения «муженёк». П.п.: в предыдущих главах тоже исправила обращение 'господин Линь' на 'Линь-лан'.]

—

<http://bllate.org/book/14420/1274656>